

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ

В. В. ШИМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются идейные предпосылки и историческая обусловленность национальной политики большевиков. Соотносятся национализм и коммунизм как два типа освободительных движений начала XX в. Делается вывод о внутренней противоречивости советской национальной политики, обусловленной как особенностями мировоззрения большевиков, так и текущей политической конъюнктурой. Полученные сведения могут быть использованы в рамках исследований процессов национального строительства на постсоветском пространстве, а также в преподавании дисциплин социогуманитарного блока (политология, история белорусской государственности).

Ключевые слова: национализм; коммунизм; большевизм; интернационализм.

WORLD OUTLOOK ORIGINS OF THE NATIONAL POLICY OF BOLSHEVIKS

V. V. SHIMOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The ideological and historical background of the bolsheviks national policy is considered. It turns out that nationalism and communism correlate as two types of liberation movements at the beginning of the 21st century. The conclusion is made about the internal inconsistency of the Soviet national policy, due to both the contradictions of the worldview of the bolsheviks and the current political situation. The findings can be used in the study of the processes of national construction in the post-Soviet space, as well as in teaching the disciplines of the socio-humanitarian block (political science, history of the Belarusian statehood).

Keywords: nationalism; communism; bolshevism; internationalism.

Одним из главных и долгосрочных последствий победы Октябрьской революции была национальная политика советского государства, определяющая современную геополитическую конфигурацию постсоветского пространства, а также связанные с ней проблемы и противоречия. Национально-административное деление СССР сформировало территориальную матрицу его распада. В настоящее время попытки тех или иных форм реинтеграции постсоветских государств неизменно наталкива-

ются на противодействие элит, ревниво охраняющих свой сравнительно недавно обретенный суверенитет.

Попытки объединения постсоветского пространства, будь то Евразийский союз или Союзное государство России и Беларуси, по сути, воспроизводят ту же систему, на которой строилось политическое объединение республик в рамках СССР, – интернационализм. Интернационализм – доктрина, предполагающая социально-экономи-

Образец цитирования:

Шимов ВВ. Мировоззренческие истоки национальной политики большевиков. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:93–97.

For citation:

Shimov VV. World outlook origins of the national policy of bolsheviks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:93–97. Russian.

Автор:

Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vsevolod V. Shimov, PhD (political science), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law.
shimoff@rambler.ru

ческое объединение национальных государств и дружбу народов при сохранении их национально-культурной обособленности. Интернационализм пытается примирить две противоположные тенденции: тенденцию к глобализации, которая обуславливает потребность в политическом и экономическом объединении, несмотря на национально-культурные ограничения, и национальный патриотизм, который сопротивляется унифицирующему воздействию глобализации. Именно в этом и видят мудрость интернационализма его сторонники, полагая, что он способен эффективно решить задачу совмещения глобализации с национально-культурной неоднородностью человечества.

Исторический опыт, однако, показал крайнюю неустойчивость интернациональных образований. К концу XX в. рухнули все государства, основанные на его принципах: СССР, Югославия, Чехословакия. Сторонники интернационализма склонны видеть иные, неидеологические, причины данной ситуации. Действительно, сложно не согласиться с тем, что сам по себе интернационализм не являлся первопричиной гибели упомянутых государств. Но все же он внес немалую лепту в печальный финал их существования. Ведь территориальный распад многонациональных объединений проходил по национально-административным границам, сформированным предшествующей политикой интернационализма. Таким образом, интернационализм формировал матрицу распада созданных им государств. Интернациональная политика сохранения и поддержания национальных границ в рамках больших политических проектов так и не смогла преодолеть противоречия между нуждами глобализации и национальным эгоизмом, который неизменно «взрывал» интернациональное государство в кризисный момент.

Была ли советская национальная политика неизбежностью? На этот вопрос сегодня, как правило, дают два взаимоисключающих ответа. Первый сводится к тому, что подъем национальных движений на территории Российской империи не оставил большевикам иного выбора, кроме как объявить право наций на самоопределение и «пересобрать» государство в качестве федерации национальных республик. Второй вариант ответа утверждает, что реальный подъем национализма в России не был столь значителен, а большевики занимались искусственным конструированием наций, руководствуясь сугубо доктринерскими рассуждениями о национальном вопросе.

Чтобы установить истину, будет нелишним вспомнить, что представлял собой большевизм как идеология. Он стал продуктом своей эпохи, выросшим из объективных противоречий мировой ка-

питалистической системы того времени. Это была идеология радикального отрицания капитализма, ориентированная на глобальное переустройство общества на принципиально новых началах. Будучи идеологией социального протеста, большевизм вместе с тем был основан на чувстве глубокого исторического оптимизма, характерного для быстро развивавшейся индустриальной цивилизации начала XX в. Вера в прогрессивное развитие человечества была сильной стороной радикальных социалистических движений, обеспечившей им немалую популярность на Западе и ставшей важной предпосылкой прихода к власти большевиков после Октябрьской революции в России.

Следует подчеркнуть, что коммунизм виделся как глобальная перспектива для всего человечества, которое в будущем должно преобразиться в единый мир «без России, без Латвии»¹. Этот глобалистский аспект коммунизма всегда предполагался как стратегическая цель, хотя и остался наименее разработанным, поскольку, вдохновленный идеями Маркса и его последователей, коммунизм концентрировался в первую очередь на классовой борьбе.

Большевизм – космополитическая идеология, в силу чего национальный вопрос всегда был периферийным в сознании его представителей. Однако именно эта периферийность в конечном счете обусловила противоречивость советской национальной политики.

Феномен наций и национализма – продукт развития капиталистической системы. Первоначально национальные государства оформлялись как конкурирующие центры накопления капитала в Западной Европе. Одновременно все они были метрополиями обширных колониальных империй, обеспечивавших формирование крупных и относительно самодостаточных рынков, необходимых для циркуляции и накопления капитала.

Впоследствии национализм начинает активно развиваться в имперских колониях, причем происходит это не столько в результате колониального угнетения, сколько в результате развития и модернизации колоний в рамках империй. Как следствие, в колониях формируются собственные элиты, которые начинают тяготиться своим положением в имперской иерархии, считая его стесненным и унижительным. Так возникает освободительный колониальный национализм (национально-освободительные движения), противостоящий гнету имперских метрополий и направленный на преобразование колоний в национальные государства, копирующие многие социально-политические институты метрополий. Трансформация колоний в национальные государства, независимые от им-

¹Маяковский В. Товарищу Нетте пароходу и человеку // Полн. собр. соч. М., 1957.

перских метрополий, но имитирующие их устройство, мыслилась как формула, которая позволит угнетенным народам повторить успех их угнетателей. Первым и наиболее успешным примером такого рода движений стала борьба за независимость североамериканских колоний Британской империи в конце XVIII в. Исторический успех США стал ориентиром для колониальных национализмов по всему миру.

Таким образом, к началу XX в. мир оказался охвачен двумя типами освободительных движений: коммунистическим и националистическим. Между ними существовало одно принципиальное отличие. Коммунизм был идеологией глобальной, ориентированной на все человечество. Формат национального государства воспринимался коммунистами со скепсисом как один из институтов буржуазного общества, которому в будущем суждено раствориться в планетарном коммунистическом социуме. Национализм, напротив, был идеологией, основанной на примате сугубо местных (национальных) интересов, и равнодушной, а то и враждебной к глобальной повестке. Вместе с тем жесткой грани между коммунизмом и национализмом тоже не было, и практически все националистические течения обзаводились «левой», социалистической фракцией, апеллировавшей к авторитету К. Маркса и проблемам социальной справедливости.

Эта двойственность во многом определила характер национальной политики большевиков. Будучи носителями космополитической, глобалистской идеологии, большевики вместе с тем не могли игнорировать и рост национально-освободительных движений. Очевидно, как компромисс с националистическими течениями, призванный привлечь их на сторону большевиков, и возникает принцип ленинского интернационализма, который, с одной стороны, признает право наций на самоопределение, а с другой – ориентирует освобожденные нации на объединение в рамках социалистической федерации. Моделью такой мировой социалистической федерации и должен был стать СССР.

Насколько сильны были националистические тенденции на территории Российской империи во время революции и гражданской войны? Российская империя в начале XX в. представляла собой быстро развивавшуюся капиталистическую державу, являвшуюся сухопутной империей. Появление антагонизма между имперской метрополией и окраинами вполне укладывалось в логику капиталистического развития, поэтому сам по себе всплеск национализма угнетенных окраин в результате революции был вполне закономерен. Но нельзя забывать, что российский капитализм был во многом запаздывавшим и периферийным, поэтому сильные национальные элиты на имперских окраинах еще не успели развиваться и в лучшем слу-

чае находились в стадии становления. Единственным исключением оказались наиболее развитые «колонии»: Польша, Финляндия, а также Прибалтика (в период 1921–1940 гг.), которые в результате революции смогли добиться независимости и создать национальные государства. Кроме того, поскольку Россия была сухопутной империей и четкие границы между метрополией и окраинами отсутствовали, нередко возникал вопрос, что считать метрополией, а что – окраиной. Особенно это касалось территорий с восточнославянским населением, где имперский общерусский патриотизм сталкивался с местническими, областническими тенденциями, нередко перераставшими в антиимперский национализм, как это произошло на Украине, в Беларуси и частично на Дону и Кубани.

Следует признать, что на фоне грандиозной революционной катастрофы, пережитой Россией, всплеск национализма оказался весьма слабым. В результате к исходу гражданской войны примерно 80 % территории бывшей Российской империи были объединены большевиками в рамках РСФСР, которая в таком виде и выступила одним из соучредителей СССР.

Последующее образование новых республик происходило уже в рамках стабилизированной советской государственности в условиях становления жесткой однопартийной диктатуры, т. е. оно никак не могло быть уступкой большевиков национальным движениям. По сути, это был исключительно идеологический проект: советская власть демонстрировала миру, как освобожденные народы повышают свой статус в рамках социалистической федерации.

При этом нельзя забывать, что интернационализм никогда не рассматривался большевиками как самоцель, а воспринимался скорее как переходная стадия к глобальному коммунистическому обществу, где отомрут культурные и языковые различия и исчезнут все формы государственности, включая национальные республики. В статье Я. В. Лоя «Общий язык», опубликованной в 1934 г., т. е. в разгар сталинской коренизации, обсуждается перспектива перехода на единый мировой язык и отмирание национальных языков при социализме. В частности, автор пишет: «Что касается исчезновения национальных языков, то необходимо твердо подчеркнуть, что раздробленность человечества на нации ослабляет его силы. Упростить языковое общение человечества – значит поднять его на высоту мощи и силы. Необходимым следствием социалистического строя будет рост международных сношений. Уничтожение всяких помех этому – и прежде всего, как самой важной, различий языков – является с точки зрения развития, прогресса, делом, заслуживающим величайшей похвалы» [1].

Показательны в этом плане образы коммунистического будущего в советской фантастике. В коммунистической утопии И. Ефремова «Туманность Андромеды» показано человечество, лишенное национально-культурных различий и говорящее на едином языке. Аналогичный образ можно увидеть в повести Г. Мартынова «Гость из бездны» [2], где коммунистическое человечество разговаривает на мировом языке, являющемся потомком русского. В этом можно усмотреть своеобразный патриотизм автора, однако, думается, дело не только в нем. Во вселенной Г. Мартынова, где коммунизм начал распространяться из СССР, вполне логично, что мировой язык возник на основе «языка Ленина».

В 1968 г. уже на заре брежневской эпохи, свет увидела книга Э. П. Сवादост «Как возникнет всеобщий язык?» [3], в которой также обсуждается перспектива будущего единого языка безнационального коммунистического человечества.

Таким образом, национальное самоопределение использовалось советской властью скорее в политехнологических целях и было в большей степени ориентировано на привлечение на сторону СССР национально-освободительных движений по всему миру. Разграничение национальных образований, а также определение их статуса в административной иерархии (союзная республика – автономная ССР – автономная область – автономный округ) осуществлялось достаточно произвольно. Иногда те или иные национальные республики и вовсе создавались для решения краткосрочных политических задач, как это было в случае с Карело-Финской ССР, созданной, по сути, в качестве базы для коммунистического движения Финляндии и впоследствии упраздненной за ненадобностью.

При этом стратегической целью большевиков всегда были социальная интеграция человечества и нивелировка национальных отличий, а национальное строительство у освобожденных народов должно было стать переходной стадией к этой фазе. Известно, что на заре советской власти шла активная разработка литературных языков народов СССР на базе латинского алфавита, существовали планы по переводу на латиницу русского языка. Делалось это для социокультурного сближения братских народов, при этом латинский алфавит, на котором основана письменность передовых стран Запада, рассматривался как наиболее перспективный для коммунистического человечества. В тот же период весьма распространенным среди советских и зарубежных коммунистов было увлечение искусственным языком эсперанто, который рассматривался как вероятный претендент на роль общечеловеческого мирового языка. Со временем, когда стало понятно, что мировая революция откладывается на неопределенное время, эксперименты с латиницей и эсперанто были отложены, а русский язык стал основным средством коммуникации

в СССР, хотя отголоски увлечения эсперанто среди советских языковедов сохранялись еще долго. Подтверждение этому – упомянутая выше книга Э. П. Сवादост.

Таким образом, национальное разграничение в рамках СССР сложно считать уступкой большевиков объективным национальным требованиям, поскольку на момент революции большинство национальных движений на территории Российской империи находились на ранней стадии формирования. Национальное разграничение территории РСФСР, которая первоначально включала до 80 % владений бывшей Российской империи, производилось уже после окончательной победы большевиков сверху, в рамках стабилизированной однопартийной диктатуры. Советская национальная политика была в значительной степени ориентирована на национальные движения за пределами СССР, в которых большевики видели важных союзников в деле мировой революции. При этом интернациональная стадия рассматривалась как временный, переходный этап на пути к полностью безнациональному коммунистическому человечеству.

СССР так и не удалось преодолеть противоречие между глобальными устремлениями советского проекта и узконациональными интересами союзных республик и элит. В конце 1930-х гг. это противоречие обернулось массовыми репрессиями в отношении национал-коммунистов (парадоксально, но именно в этот период число национальных образований внутри СССР резко возросло). Поддержка национальных языков и культур входила в противоречие с все более широким распространением русского языка в советских республиках с появлением общего хозяйственного комплекса, урбанизацией, индустриализацией, активной миграцией населения.

По мере разрушения коммунистической идеологии и разложения советского строя элиты союзных республик закономерно воспользовались созданной в рамках СССР национально-политической инфраструктурой для повышения своего статуса. Это стало одной из важнейших предпосылок распада СССР.

Вместе с тем советскую национальную политику нельзя рассматривать исключительно как продукт большевистского волюнтаризма. Логика развития Российской империи как капиталистического государства формировала противоречие интересов между метрополией и перифериями, как это было и в других колониальных империях. А значит, подъем национализма был неизбежен независимо от того, пришли бы к власти большевики или нет. Другой вопрос, что контуры национального разграничения в этой гипотетической России без большевиков могли существенно отличаться в силу отсутствия четких границ между метрополией и окраинами.

Библиографические ссылки

1. Лоя ЯВ. Общий язык [Интернет; процитировано 24 октября 2018 г.]. Доступно по: <http://crecleco.serioc.ch/textes/Loja34.html#1>.
2. Мартынов Г. *Гость из бездны*. Ленинград: Лениздат; 1966. 420 с.
3. Сवादост Э. *Как возникнет всеобщий язык?* Москва: Наука; 1968. 287 с.

References

1. Loya YaV. Common language [Internet; cited 2018 October 24]. Available from: <http://crecleco.serioc.ch/textes/Loja34.html#1>. Russian.
2. Martynov G. *Gost' iz bezdny* [Guest from the abyss]. Leningrad: Lenizdat; 1966. 420 p. Russian.
3. Svadost E. *Kak vozniknet vseobshchii yazyk?* [How will universal language arise?]. Moscow: Nauka; 1968. 287 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.03.2019.
Received by editorial board 29.03.2019.